

16. Островский, Е.Б. Сватовство / Е.Б. Островский // Островский Е.Б. Духовная культура Северного Белозерья. Этнодиалектный словарь / И.А. Морозов, И.С. Слепцова, Е.Б. Островский, С.Н. Смольников, Е.А. Минюхина. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1997.

17. Паньков. Л.А. Карнавал / Л.А. Паньков // Постмодернизм. Энциклопедия. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2001.

18. Понырко, Н.В. Святочный и масленичный смех / Н.В. Понырко // Понырко Н.В. Смех в Древней Руси / Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, Н.В. Понырко. – Л.: Наука, 1984.

19. Шангина, И. Сватовство / И. Шангина // Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия. – СПб.: Искусство–СПб, 2005.

Е.В. Жуйкова
г. Москва

РУССКИЙ КРЕСТЬЯНИН НА ВОЙНЕ И В МИРЕ **(Арсений Благодарев и Иван Африканович Дрынов)**

Судьба русской деревни, русского крестьянства чрезвычайно волновала А.И. Солженицына, и эта тема занимает особое место в его творчестве. У Солженицына довольно много героев – выходцев из крестьянской среды: это и старуха Матрёна, и Иван Денисович, который принес писателю первую славу, и герои двучастных рассказов («Настенька», «Абрикосовое варенье»). О судьбе раскулаченного крестьянства он говорит в «Архипелаге ГУЛАГ». Множество крестьянских персонажей читатель видит и в десяти-томной эпопее «Красное Колесо», но особое место среди них отведено Арсению Благодареву.

В данной статье предпринимается сопоставление Арсения Благодарова, одного из самых важных крестьянских персонажей «Красного Колеса», и Ивана Африкановича, главного героя повести В. Белова «Привычное дело».

В «Красном Колесе» есть аналог паре Платон Каратаев – Пьер Безухов («Война и мир»), воплощающей классическое толстовское противопоставление аристократа, представителя дворянской культуры, и человека из народа. В эпопее Солженицына это Арсений Благодарев и Георгий Воротынцев. Однако у него они скорее сопоставляются, а не противопоставляются. У Толстого Каратаев открывает Пьеру «последние истины», особый взгляд на мир и личность, недоступный представителю дворянской аристократии, но искони присущий человеку из народа. Трудно представить себе союз Пьера и Каратаева, тогда как у Солженицына полковник Воротынцев и нижний чин Благодарев в равной степени нужны друг другу, сотрудничают, являются союзниками в нелегком военном деле. Ж. Нива, осмысляя

типологию персонажей Солженицына, полагает, что этот союз основан на схожем для солдата и офицера понимании воинского долга: «... Солженицын питает пристрастие к военному героизму: русский – настоящий воин, ибо он мужественно встречает смерть. И вновь вырисовывается союз между крестьянами – Арсением Благодаревым, Агафоном Огуменником, Мефодием Перепелятником, силачом Качкиным – и рыцарями, “новыми декабристами”, “богатырями”: Нечволодовым (искренним монархистом), Крымовым, Кабановым. Они рождены, чтобы командовать, мужик – чтобы воевать, он создан для военной аскезы» [3]. Однако французский исследователь упускает, как нам кажется, из виду, что между крестьянами и «новыми декабристами», «богатырями», значительно больше общего, чем различного. Разве Воротынцев не создан воевать? Военная аскеза ему вовсе не чужда, когда он в окопах вшей кормит. Нива упускает, что между ними есть и уважение, и взаимная симпатия, и даже любовь. А полковник Воротынцев, имеющий блестящее военное образование, не только командует, но и воюет не хуже Арсения. и даже намного лучше. Другое дело, что крестьянин Арсений выполняет роль персонажа-проводника, он во многом помогает полковнику, который стоит гораздо выше него на социальной лестнице, не говоря о воинском чине. Воротынцев не раз отмечает про себя, что Благодарев, хоть и простой солдат, однако ставит себя так, словно войну понимает лучше некоторых генералов: «Ничему не ученый, Арсений держался, будто знал больше всех военных наук» [7, с. 467]. Прообразом самого главного крестьянского персонажа «Красного Колеса» стал писатель Борис Можаяев, с которым А.И. Солженицын был дружен. Автор оставил об этом мемуарное свидетельство в очерке о поездке по Тамбовщине: «И слушал я во все уши, и записывал, и глазами Борю поедал, как живое воплощение среднерусского мужичества, вот и повстанчества, – а до самой главной догадки не добрался, да это и такой писательский закон: догадка образа приходит чаще всего с опозданием, даже и много позже. Лишь через месяцы я догадался: да Борю-то и описать главным крестьянским героем “Красного Колеса”! – естественно входил он и в солдатство, с его бойцовой готовностью, поворотливостью, и в крестьянскую размыслительность, чинную обрядность, деликатность, – и во взрыв тамбовского мятежа. Так родился и написан был (и не дописан был, как все “Колесо”, до командира партизанского полка) – Арсений Благодарев. С живого – легко, легко писалось. (Только Боре самому я о том не сказал, чтобы не нарушать натуральность. А он прочел когда “Август”, затем “Октябрь”, – хвалил Благодареву, не догадался)» [1].

Но несмотря на явную типологическую параллель Арсения с героем «Войны и мира», А. Латынина, однако, замечает, что от толстовского пер-

сонажа Благодарев взял мало, и функция у него иная: «Русской литературе не привыкать брать нравственные уроки у мужика, начиная с Савельича и кончая толстовским Платоном Каратаевым (у чеховских или бунинских «мужиков» мало чему поучишься)» [2]. На первый взгляд Арсений Благодарев выполняет ту же функцию. Но лишь на первый: «Перед нами – новый тип человека из народа, на которого и рассчитана столыпинская реформа: хороший, умный солдат, дисциплинированный, без заискивания перед начальством, с чувством собственного достоинства, но без панибратства. Благодарев и крестьянин такой же. Энергичный, ловкий, сметливый, он не упустит в хозяйстве ничего, он воспользуется столыпинской волей, чтоб выйти из общины, построиться, завести хозяйство, – и, конечно, начнет богатеть. В следующей своей фазе, спустя десяток-другой лет, это Захар Томчак, уже не крестьянин даже и не кулак – сельскохозяйственный магнат, образцово поставивший прибыльное дело» [2]. На самом деле, в образе Арсения Благодарева можно найти черты другого толстовского персонажа крестьянского происхождения – Тихона Щербатого, который образует некую антитезу с Платоном Каратаевым: у Тихона гораздо более развитое деятельное начало, на войне он сохраняет все крестьянские навыки: он пользуется топором, как волк зубами, когда тот перекусывает огромные кости и вытаскивает из шерсти крохотных блох. То же и Тихон: топором он и крушит французов, и вытаскивает изящные деревянные ложки.

Те, кто долгое время занимается изучением творчества А.И. Солженицына, знают, что делать это очень удобно. И вот почему: писатель высказался по почти любому необходимому ученым поводу и постарался объяснить практически каждое свое произведение в публицистических высказываниях. Огромную ценность для исследователя представляют статьи из «Литературной коллекции», где Солженицын выступает в роли критика своих «собратьев по перу». В данном случае нам особенно важен очерк «Василий Белов», где автор дает свою характеристику Ивана Африкановича, героя повести «Привычное дело». Посмотрим, на чем он расставляет акценты: «Иван Африканович Дрынов – и сам естественное звено природной жизни, только и мыслимый в отведенной ему непритязательной колее, на своем привычном месте. Добросовестный, даже робкий, многотерпеливый, покорный течению событий, покорный властям (“Уж так повелось, его судьбу решали всегда без него”), всегда в работе, колхозной или своей собственной. Медлительный в решениях, стеснительный перед упреками на колхозном собрании. Отвоевал войну, уцелел (не сказано нам: воротился ли еще кто из односельчан <...>), таким же тихим и смиренным, совсем не героем. Иногда слаб к малой выпивке, но и в ней безвреден (на жену свою Катерину “замахнулся лишь в жизни раз”))» [5]. Мимоходом заметим, что

жену Арсения зовут так же (он называет ее ласково «Катёна»), и он тоже бьет ее только один раз в жизни, на чем делает акцент автор.

В этом-то и заключается ключевое различие Ивана Африкановича с Арсением Благодаревым: спокойная послевоенная жизнь порождает тихого и мирного героя. А во время войны оказывается, что даже самые мирные мужики «рождены, чтобы воевать», как отмечал Ж. Нива в цитированной ранее статье.

О Дрынове нам все-таки известно, что на войне он проявил себя достаточно. Поэтому в качестве оппозиции такому мнению Солженицына о персонаже выступает точка зрения Юрия Селезнева, который считает Ивана Африкановича настоящим героем, напоминая, что сквозь него шесть пуль прошло, что с его Орденом Славы на пузе бегает сын Васька [4]. Со слов его жены Катерины мы знаем, что у Дрынова есть и другие награды, например, орден Красной Звезды. Сам герой рассказывает о том, что под Смоленском возглавлял группу, которая была направлена для взрыва моста и взятия вражеского «языка». С точкой зрения Солженицына можно поспорить, но все же военные события жизни Ивана Африкановича действительно остаются как бы «за кадром» повести. А в «кадре» – жизнь колхозной деревни со всеми невзгодами и тяготами, но, по сравнению с военным временем, конечно, гораздо более спокойная и мирная. И в центре этой жизни – фигура героя, который, как и автор, слит с природой: «у них свычка с каждым деревом в лесу, с неуничтожимым родничком, развороченным дорожными машинами» [5].

Совершенно иные качества Арсения Благодарева актуализируются в ситуации войны, даже когда мы видим героя на побывке. В «Красном Колесе» А.И. Солженицын показывает историю семьи далеко не каждого персонажа, но Арсения этой почестью он наделяет. Герой показан в кругу семьи, в отношениях с женой, даны мельчайшие детали его биографии, вплоть до деревенского прозвища отца. Но даже когда персонаж оказывается в «мирной» атмосфере родного дома, разговоры там все равно идут только о войне. Отец, Елисей Благодарев, могучий старик, с гордостью оглаживает награды сына, мать осматривает его на предмет ранений. Арсений – счастливый солдат: и уцелевший, и при наградах. Характеристика Арсения в ситуации военного времени дана чаще всего устами полковника Воротынцева или в форме несобственно-прямой речи, когда через посредство слов автора мы узнаем сознание героя: «Таким не окружение его сделало, таким застал его Воротынцев и под Уздау, он и тогда не к своему полковнику, но и ко всякому офицеру так умел: безошибочно употреблял все военные выражения, уверенно чувствовалось, что за их черту не перейдет, а тон – переходил, из службы отчасти в игру. Ничему не ученый, Ар-

сеней держался, будто знал больше всех военных наук» [7, с. 467]. В момент первой встречи в окопе солдат поражает Воротынцева своим веселым нравом и простотой в обращении: «Видно, лих был смеяться Благодарев, так и несло его на смех. Ну да и работать, наверно, лих <...> Лет ему было, сказал, двадцать пять, но сохранилось в его лице что-то толстошеекое ребячье и с той доверчивостью, которую только в деревне и встретишь» [6, с. 237].

Оба персонажа для авторов оказываются в сфере комического, даже сатирического изображения. Достаточно вспомнить ситуацию, когда Иван Африканович забыл привязать своего коня Парфена и тот ушел домой сам, без хозяина. А по пути изрядно попортил казенное имущество в виде двух самоваров, которые герой должен был доставить по накладной в магазин. Или другой пример – эпизод неудачного сватовства к Нюшке, на которое подбил Иван Африканович своего приятеля Мишку. С одной стороны, автор ничего не спускает своему герою, он наказывает его за подобные промахи: за испорченные самовары у Ивана Африкановича вычитают из зарплаты, а Нюшка прогоняет неудачных сватов ухватом, после чего они вынуждены ночевать в бане. Но, с другой стороны, все же у Белова по отношению к Дрынову смех добрый. Это тот юмор, когда под видом осмеяния скрывается едва ли не одобрение. В сфере комических противоречий здесь все: и трезвый Парфен в противовес пьяному Африкановичу, и «траченные» самовары, и неудачное сватовство (фольклорный обряд, исполненный опасности осмеяния неуспешного жнixa). Но сатирического отрицания пьянства здесь нет – Африканович, напротив, покоряет читателя. То есть смех не снимает трагического, которого здесь просто нет, но погружает в стихию комического самого Ивана Африкановича.

Вопреки расхожему ошибочному мнению у А.И. Солженицына также можно обнаружить много комического. Один из таких эпизодов как раз связан с Арсением Благодаревым. Герой с присущей ему непосредственностью отказывается ездить в седле, и вместо него для удобства привязывает к коню подушку. Эта ситуация оказывается принципиально важной в главе 37, где описана внезапная встреча казачьего разъезда под командованием Воротынцева с немецким генералом Франсуа и его свитой. Немецкий автомобиль заглох в тот момент, когда прямо на него выезжает казачий разъезд. Возможно вооруженное столкновение, которое гарантированно принесет смерть всем его участникам с обеих сторон. Воротынцев вступает с Франсуа в диалог, который все более и более приобретает легкий и даже веселый характер, что разряжает ситуацию: немцы опускают пулемет, казаки вкладывают шашки в ножны. Противники принимают решение разъехаться, раз уж никак нельзя точно установить, кто у кого в плену.

Первым разворачивает своих казаков Воротынцев (автомобиль не заведен, немецкие офицеры находятся в нем и не могут первыми покинуть место внезапной встречи, которая чуть было не стала для всех ее участников роковой). Поворачиваясь к противнику спиной, Воротынцев все же не может быть уверенным до конца, что из автомобиля не прогремит пулеметная очередь, хотя и понимает, что с точки зрения военной чести это практически невозможно: ведь русские убрали оружие и отказались от боевого контакта – как и немцы. Выстрел в спину – нарушение всех возможных законов войны. Однако вместо выстрела он слышит взрыв хохота: немцы увидели подушку, на которой гарцевал Благодарев.

Такой способ передвижения вызывает бурный взрыв смеха у наблюдавших эту картину немцев. Это комическая развязка ситуации, которая легко могла обернуться трагическим исходом. А смех все же снимает трагическое: даже злой смех врага – не пулеметная очередь в спину. Однако Воротынцев не может сдержать приступ гнева на своего лучшего солдата, который своим непристойным видом позорит русскую армию.

Еще раз повторим: у Солженицына комическое в данном случае снимает трагическое: ситуация разряжается не трагическим (гибелью немецкого генерала и русского разъезда или пулеметной очередью в спину после разговора Воротынцева и генерала Франсуа), но комическим: взрывом отчуждающего злого смеха. Это не добрый смех, как у В. Белова, а, скорее, сатира. Воротынцев, который нейтрально отнесся к насмешкам своих казаков над подушкой Благодарева, от хохота немцев пришел в бешенство. Когда смеются враги – это злой смех, обнажающий, подобно сатире, явление, на которое он направлен: русскую расхлябанность, на подушку как символ совсем не военной доблести, а, напротив, домашних отношений, Емелиной печи, лепи.

Но не напрасно ли был так возмущен Воротынцев? Ведь в характере Арсения это еще одно проявление той способности приспособливаться к любым условиям, которую офицер с завистью отмечал у крестьян. Арсений поразил полковника именно тем, что в нем не было страха, он сидел в окопе так, «как пережидают ливень под худой крышей». Он оглядывался вокруг себя и привыкал жить в таких условиях. Вот это умение приспособиться к любому укладу жизни – мирному ли, военному, является тем свойством, которое выгодно отличает крестьян на войне.

Мы видим, что для обоих художников слова важно создать многогранный образ, показать своих героев и в нелепых ситуациях. Так раскрывается еще одна грань крестьянского характера и быта.

В «Августе Четырнадцатого» есть отождествление сражения с сельской жизнью, которое восходит к фольклору. Однако у Солженицына сол-

даты сравниваются не с добрыми пахарями (как, например, в стихотворении Н. Гумилева «Война»), а с колосьями, которые гнутся. Фраза «как на току», которую произносит Арсений Благодарев, воспринимается офицером Воротынцевым по-другому, он слышит «как знатоку». И лишь позднее до него доходит истинный смысл сказанного: «Как колосья, распластанные на току, так и солдаты в окопах притаились и ждут, что расколотят им тела, каждому – его единственное. Гигантские цепи обходили их ряды и вымолачивали зернышки душ для употребления, им неизвестного, – а жертвам солдатским оставалось только ждать своей очереди. И недобитому, и раненому – только ждать своей второй очереди» [6, с. 240].

И в «Привычном деле», и в «Красном Колесе» отражена судьба русской деревни в судьбах ее жителей. Только герои-крестьяне показаны в совершенно различных ситуациях – на войне и в мире, с разницей примерно в полвека. Арсений Благодарев представляет собой деятельный тип, активный, способный приспособиться, адаптироваться к любым, даже самым тяжелым обстоятельствам. Именно тот, который необходим во время войны, он особенно ценится офицерами. Не зря же полковник Воротынцев говорит о том, что такого солдата он и предвидел встретить, а потом никуда от себя не отпускать. Иван Африканович находится совсем в другой ситуации, в ситуации послевоенной колхозной деревни, и актуализируются в нем иные качества – сердечность, порядочность, добрососедство, внимательность, русская ленца и неторопливость. Но и время вокруг него течет совсем по-другому, не так, как в окопе, когда счет идет на секунды.

Несмотря на некоторую субъективность оценок автора в статье из «Литературной коллекции» о творчестве Белова, там много бесценных наблюдений. Солженицын в творчестве Василия Белова ценит то, что было важно и для него самого: язык русской деревни, уходящий в прошлое вместе с нею, который он сам постарался сохранить в «Словаре языкового расширения». Именно поэтому особенно высоко писатель оценил книгу «Лад», назвав ее «драгоценностью в русской печатности». Интересно, что язык «Красного Колеса» в эпизодах крестьянской жизни очень схож с языком повести «Привычное дело». Он богат просторечиями, архаизмами, диалектизмами. Вот как Солженицын характеризует «Привычное дело» в целом: «Сквозь всю повесть выдержан добросердечный ненавязчивый тон – и так отлился литературный самородок – ненарочитая, ненастойчивая, но сгущенная правда о послевоенной советской деревне» [5]. А «правда» для него – это наивысшая похвала.

Литература

1. Борисова. И. Борис Можаяев: воля к независимости. [Электронный ресурс] / И. Борисова. – Режим доступа: <http://www.port-folio.org/2008/part75.htm>

2. Латынина, А. «Патент на благородство»: выдаст ли его литература капиталу? [Электронный ресурс] / А. Латынина. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/povyi_mi/1993/11/latin.html

3. Нива, Ж. Феномен Солженицына: главы из книги. [Электронный ресурс] / Ж. Нива. – Режим доступа: <http://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=2158>

4. Селезнёв, Ю. Василий Белов. [Электронный ресурс] / Ю. Селезнёв. – Режим доступа: <http://www.booksite.ru/belov/seleznyov/1.htm>

5. Солженицын, А. Василий Белов. Из «Литературной коллекции» [Электронный ресурс] / А. Солженицын. – Режим доступа: <http://www.booksite.ru/belov/creature/22.htm>

6. Солженицын, А. Красное Колесо / А. Солженицын // Солженицын А. Собр. соч.: в 30 т. – М.: Время, 2010. – Т. 7.

7. Солженицын, А. Красное Колесо / А. Солженицын // Солженицын А. Собр. соч.: в 30 т. – М.: Время, 2010. – Т. 8.

Т.Г. Овсянникова
ВоГУ, г. Вологда

«БОБРИШНЫЙ УГОР» В.И. БЕЛОВА – ПОЭМА О ЯШИНЕ, О ВРЕМЕНИ, О СЕБЕ

В литературоведческих исследованиях, посвященных творчеству В.И. Белова, признание прозы писателя как лирической является общим местом и не вызывает дискуссий. «Среди русских писателей есть такие, кого формально нельзя отнести к цеху стихотворцев, но они всем строем образной ткани своих произведений, глубочайшим их лиризмом, эмоциональной наполненностью фразы заслуживают того, чтобы именоваться поэтами» [4, с. 3].

Одним из наиболее зрелых произведений лирической прозы В.И. Белова является рассказ «Бобришный угор», написанный в 1966 году и посвященный А. Яшину, первому разглядевшему в Белове художника слова. «Бобришный угор» создавался Беловым под впечатлениями поездки на родину Александра Яшина. Момент в жизни Яшина был трагичный – недавно ушел из жизни его сын Саша. Он уезжает из Москвы на «малую» родину, где не так давно закончилось строительство его дома вблизи деревни Блудново Никольского района.

Белов приезжает навестить старшего друга. Он деликатен, стараясь не докучать своим присутствием, и рассказывает о дороге к Бобришному угору, о первом ужине, о рыбалке, о своих прогулках по лесу. Но все эти внешние обстоятельства становятся то поводом, то фоном для другого, самого главного, того, ради чего и написан рассказ – выражения своих чувств и мыслей: «...опять как вечер на сентиментальности, я поймал себя